

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СЕМИОТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ФОЛЬКЛОРНОГО ДИСКУРСА

*Абдувахобова Махина Азатовна, самостоятельный соискатель НУУ, PhD,
доцент*

Аннотация: Формирование семиотики как самостоятельной научной дисциплины связано с именами швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра и американского философа Чарльза Сандерса Пирса. Несмотря на различие научных подходов, обе концепции оказали значительное влияние на развитие современной гуманитарной науки. Ф.де Соссюр рассматривал знак как двустороннее единство означающего и означаемого. По его мнению, язык представляет собой систему взаимосвязанных знаков, посредством которых человек не только описывает окружающую действительность, но и формирует представление о ней. Знак существует исключительно благодаря взаимосвязи материальной формы и заключенного в ней смысла.

Ключевые слова: *семиотика, фольклорный дискурс, гендерная символика, знак, символ, семиозис.*

В отличие от Соссюра, Ч.С.Пирс предложил триадическую модель знака, включающую знак, объект и интерпретанту [8, 9]. В центре его концепции находится процесс семиозиса – непрерывного порождения значения в ходе интерпретации знака. Согласно данной теории, знаком может выступать любой объект, воспринимаемый человеком как носитель определенной информации. Применительно к исследованию фольклора обе концепции позволяют рассматривать народное творчество как сложную систему символов, в которой художественный образ значительно выходит за рамки своего буквального значения. Каждый элемент повествования выполняет не только эстетическую, но и культурно-коммуникативную функцию.

Фольклорные произведения содержат устойчивую систему знаков, формировавшуюся на протяжении многих столетий. В них отражены коллективный опыт народа, национальные ценности, религиозные представления, особенности бытовой культуры и традиционная модель мира. Благодаря этому семиотический подход становится одним из наиболее эффективных методов исследования фольклорного дискурса.

В отличие от художественной литературы, фольклор сохраняет древнейшие формы коллективного сознания, в которых символы продолжают выполнять свои первоначальные культурные функции [1]. Именно поэтому анализ знаковой

природы фольклора позволяет глубже понять механизмы формирования гендерных представлений в различных культурах.

Одной из важнейших особенностей фольклорного дискурса является его пространственно-временная организация. Пространство и время в фольклоре выступают не только в качестве фона развития событий, но и выполняют самостоятельную семиотическую функцию, формируя систему устойчивых культурных кодов. В этой связи особый интерес представляют традиционные речевые формулы, посредством которых обозначаются время, место действия и завершенность повествования.

Для английских народных сказок характерны устойчивые временные клише: *once upon a time, there was once a king who is witty (The Haughty Princess)*.

Пространственные формулы также обладают высокой степенью устойчивости: *in a house, in a forest, in a village*.

Не менее показательны формулы завершения повествования: *her daughter was married to a prince... ..and they lived happily... (Kate Crackernuts)*.

Подобные конструкции представляют собой не просто композиционные элементы сказки. Они выполняют функцию своеобразных семиотических маркеров, позволяющих слушателю мгновенно распознать жанр произведения и перейти в особое мифологическое пространство повествования. Благодаря этим формулам создается ощущение универсальности изображаемого мира, где события существуют вне конкретного исторического времени.

В узбекском фольклоре пространственно-временная символика также занимает центральное место, однако она теснее связана с национальными культурными представлениями и исторической памятью народа. Именно поэтому категории пространства и времени в эпических произведениях приобретают дополнительную символическую нагрузку, отражая процессы объединения народа, сохранения государственности и преемственности поколений.

Символика рождения как отражение коллективного сознания

Особое место в семиотической системе фольклора занимает мотив рождения героя. В эпических произведениях рождение никогда не является исключительно биологическим событием [3]. Оно символизирует возникновение новой исторической эпохи, восстановление нарушенного общественного порядка и появление защитника народа. Так, в эпосе «Алпомиш» бездетность родителей будущего богатыря приобретает глубокое символическое значение. Рождение Алпомиша рассматривается как художественное воплощение идеи возрождения государства и объединения народа после периода

раздробленности. В данном случае герой выступает знаком коллективного единства, а сам мотив рождения становится символом восстановления национальной целостности.

Сходная символика наблюдается и в эпосе «Гороглы», где рождение героя интерпретируется через цикличность природных процессов и смену времен года. Здесь образ богатыря соотносится с календарной обрядностью и древними представлениями о вечном обновлении жизни.

В английской фольклорной традиции символика рождения проявляется преимущественно через народные поверья, связывающие день рождения ребенка с особенностями его будущего характера и судьбы.

Например:

Monday's child is fair of face...

Tuesday's child is full of grace...

...

But the child that is born on the Sabbath day

Is blithe and bonny, good and gay.

Данный текст отражает традиционную народную картину мира, согласно которой день недели рассматривается как знак будущей судьбы человека. Таким образом, календарное время приобретает семиотическое значение и становится средством прогнозирования жизненного пути личности.

Символика мифологических существ

Одним из наиболее древних пластов фольклорной семиотики является система мифологических персонажей [2]. Каждый из них представляет собой устойчивый культурный символ, отражающий представления народа о добре и зле, опасности и защите, жизни и смерти.

В английском фольклоре подобные функции выполняют такие персонажи, как **Black Dog, Boggart, Brownie, dragon, gnomes, elf, ogre, Merrow, pixie, fairy** и другие. Каждый образ обладает собственной символикой: домовый олицетворяет защиту жилища, дракон – борьбу добра и зла, гном – трудолюбие и мудрость, а водные духи отражают представления человека о природных стихиях.

В узбекском фольклоре аналогичную семиотическую функцию выполняют **аждар, дев, пери, ялмоғиз кампир, джодигар**, различные духи и мифологические существа. Их символика значительно шире простого художественного образа, поскольку через них передаются представления народа о нравственных ценностях, жизненных испытаниях и борьбе человека с силами хаоса. Следовательно, мифологические персонажи в обеих культурах являются

не самостоятельными героями повествования, а сложными семиотическими конструкциями, отражающими коллективную память народа.

Цветовая символика как показатель гендерной модели культуры

Особое место в системе фольклорных символов занимает цвет [5]. Цветовые обозначения выступают важными средствами выражения социальных ролей, семейного статуса и гендерной идентичности.

В узбекской свадебной поэзии красный цвет традиционно ассоциируется с девушкой, молодостью, жизненной энергией и брачным статусом женщины [4], тогда как белый цвет чаще связан с образом мужчины, чистотой и благородством. Например: *Qizil-qizil ro 'mollar qizda bo 'lar...*

После свадьбы молодая женщина до рождения первого ребенка носила красную одежду, которая воспринималась как символ ее нового социального положения. В английской традиции цветовая символика получила особое развитие в свадебной культуре. До распространения белого свадебного платья предпочтительным считался голубой цвет как символ верности и семейного благополучия. Характерным примером является известное народное четверостишие:

Married in green...

Married in blue, always be true...

Married in white, sure to go right.

Каждый цвет в данном тексте символизирует определенную судьбу женщины после вступления в брак. Тем самым цвет превращается в своеобразный культурный код, посредством которого народная традиция моделирует представления о счастливой семейной жизни.

Семиотика колыбельных песен, локальных символов и гендерных образов в фольклорном дискурсе

Важным компонентом семиотической системы фольклора являются колыбельные песни, которые выполняют не только воспитательную, но и культурно-коммуникативную функцию [6]. Их содержание отражает представления народа о семье, материнстве, детстве и социальной роли женщины. В традиционной культуре колыбельная выступает своеобразным механизмом передачи духовных ценностей от одного поколения к другому.

Согласно взглядам Ибн Сины, колыбельные песни способствуют укреплению духовного и физического состояния ребенка. Однако их значение значительно шире. Через колыбельные мать не только убаюкивает младенца, но и выражает собственные чувства, переживания и жизненный опыт. Таким образом, колыбельная становится особой формой общения матери с ребенком.

Например: своих переживаниях, превращая колыбельную в средство эмоционального самовыражения. Следовательно, подобные произведения являются важным источником исследования гендерной картины мира в традиционной культуре.

В английском фольклоре колыбельные песни также содержат символические представления о распределении семейных ролей.

Например:

Sleep like a lady (or gentleman)...

Father is the butcher

Mother cooks the meat

Johnnie rocks the cradle...

В данном примере прослеживается традиционная модель семьи, где обязанности каждого члена распределены в соответствии с культурными представлениями о мужских и женских социальных функциях.

Локальная символика как отражение национальной культуры

Каждая культура формирует собственную систему локальных символов, связанных с определенной территорией, историей и образом жизни народа. Такие символы обладают высокой степенью национально-культурной маркированности и нередко становятся важной частью фольклорного дискурса.

В узбекском фольклоре подобную функцию выполняют географические названия, природные объекты, предметы материальной культуры и традиционного быта. Особенно ярко это проявляется в народных песнях Наманганского региона, где неоднократно встречаются образы реки Намангансай, Чуста, Ахси, местных ремесел, шелка, атласа, ножей и знаменитой чустской тюбетейки.

Например:

Namangan soyiga tushdi pichog'im...

Namangan soyiga tushdi obdastam...

Namangan soyida qolgan tarog'im...

Первоначально подобные предметы были связаны с древними обрядами, согласно которым женщины бросали в воду бытовые вещи, надеясь на скорое возвращение любимого человека. Со временем эти действия утратили магическую функцию, однако сохранились в фольклоре как художественные символы любви, ожидания и верности.

В английской культуре аналогичную символическую функцию выполняют такие национальные знаки, как *five-o'clock tea*, государственный гимн *God Save*

the King, трилистник, национальные растения и другие культурные символы Великобритании.

Диалогические свадебные песни как средство выражения гендерного взаимодействия

Особое место в системе фольклорного дискурса занимают свадебные песни. Их диалогическая структура позволяет наиболее полно раскрыть особенности традиционного общения мужчины и женщины. В узбекской свадебной традиции подобные произведения известны под названием «ёр-ёр» и «ўлан».

В них жених и невеста либо представители обеих сторон вступают в своеобразный словесный поединок, демонстрируя остроумие, знание традиций и нравственные качества.

Например:

Yigit: Serkalarning boshida shoxi bordir, yor-yor...

Qiz: Saratonda tog'dagi qorday bo'lar, yor-yor...

Подобный диалог отражает традиционную систему оценки будущих супругов, основанную на моральных качествах, уважении к семье и общественным нормам.

В английском фольклоре также встречаются любовные баллады, исполняемые от лица юноши и девушки.

Например:

I wish I were a small bird...

I wish I were a butterfly...

Несмотря на различие жанровых особенностей, оба типа произведений объединяет символическое изображение любви, ожидания и стремления к единению.

Семиотический анализ показывает, что многие предметные символы обладают универсальным характером, однако в каждой культуре получают собственную интерпретацию.

В узбекском фольклоре яблоко и айва традиционно символизируют возлюбленную, красоту и брачный союз.

Например:

Olma deb otgan otam...

Behi deb sotgan otam...

В английской культуре символика яблока восходит к библейскому сюжету об Адаме и Еве. Именно поэтому яблоко рассматривается как символ искушения, познания и грехопадения, а выражение **Adam's apple** сохраняет связь с народными представлениями о происхождении человека.

Не менее значимым символом является огонь. В тюркской традиции домашний очаг воспринимается как символ семейного благополучия, а женщина – как хранительница домашнего огня. Именно поэтому образ огня нередко соотносится с образом матери, жены и хозяйки дома.

Особое место занимает число **три**, широко распространенное как в узбекском, так и в английском фольклоре.

Например:

The Three Wishes

The Three Billy Goats

Third time lucky.

Число три символизирует завершенность, устойчивость и счастливый исход событий. Повторение действия трижды рассматривается как условие достижения положительного результата.

Символика волос как показатель возрастного и семейного статуса

Одним из наиболее устойчивых гендерных символов в узбекском фольклоре являются волосы. Их длина, способ плетения и внешний вид отражают возраст, семейное положение и социальный статус женщины.

Распущенные волосы традиционно связывались с трауром, горем или нарушением общественных норм, тогда как две косы символизировали переход девушки к взрослой жизни. Например:

Yorimning qora sochi...

Ikkiga bo'lgudek bo'пти...

Длинные волосы в народной культуре воспринимались как знак красоты, зрелости и готовности к созданию семьи. Вместе с тем особое место занимали древние представления о магической силе волос, сохранившиеся в многочисленных обрядах и песнях.

Проведенный анализ показывает, что фольклорный дискурс представляет собой сложную семиотическую систему, в которой каждый образ, предмет, цвет, число или действие функционирует как носитель культурной информации. Сравнение узбекского и английского фольклора свидетельствует о наличии как универсальных, так и национально-специфических символов. Общими для обеих культур являются символика рождения героя, семейных отношений, любви, материнства, числовых образов и мифологических персонажей. Вместе с тем каждая традиция формирует собственную систему знаков, отражающую особенности исторического развития, национального мировоззрения и культурной памяти народа.

Особое место в обеих культурах занимает гендерная символика. Через систему цветов, предметов быта, природных объектов, свадебной обрядности, колыбельных песен и фразеологических единиц формируются устойчивые представления о социальных ролях мужчины и женщины. Именно поэтому семиотический подход позволяет наиболее полно раскрыть механизмы репрезентации гендера в фольклорном дискурсе.

Таким образом, исследование подтверждает, что фольклор следует рассматривать не только как памятник устного народного творчества, но и как многослойную знаковую систему, сохраняющую культурные коды народа и обеспечивающую преемственность национальных традиций. Семиотический анализ открывает широкие возможности для дальнейшего изучения гендерной картины мира в сравнительно-сопоставительном аспекте и способствует более глубокому пониманию механизмов формирования национальной идентичности через фольклорный дискурс.

Список использованной литературы

1. Сафаров О. Болаларни эркаловчи ўзбек халқ кўшиқлари. – Тошкент.
2. Мусакулов А. O'zbek xalq lirikasi. – Т.: Fan, 2010. – 320 с.
3. То'у муборак, уор-уор. – Т.: Ma'naviyat, 2000.
4. Мингбоева Д. Тимсоллар тилсими. – Тошкент: Янги аср авлоди, 2007. – 160 с.
5. Тюркология: К 80-летию академика А. Н. Кононова. – М.–Л.: Наука, 1986.
6. Dictionary of Folklore. – London: Bloomsbury Publishing, 2015.
7. Eighty English Folk Songs / Collected by Cecil Sharp and Maud Karpeles. – London; Boston, 1968.
8. Saussure F. de. Course in General Linguistics. – London: Duckworth, 1983.
9. Peirce C. S. Collected Papers of Charles Sanders Peirce. Vols. 1–8. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1931–1958.